

А.И. Колганов

*д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова*

ЧТО ДАЕТ ПСИХОЛОГИЯ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ?

**(О книге Ю.Я. Ольсевича «Психологические
основы экономического поведения»)¹**

Аннотация. Рецензируемая книга Ю.Я. Ольсевича представляет собой первое в российской научной литературе монографическое исследование роли психологических факторов в экономическом поведении. В ней дается развернутая панорама взглядов различных представителей психологической науки о влиянии психологических основ личности человека на его поведение. Равным образом анализируются и позиции ученых-экономистов, затрагивавших психологические аспекты формирования экономического поведения. Автором демонстрируется наличие широкого спектра концепций и направлений, различным образом объясняющих природу психики человека и, соответственно, психическую сторону его поведения.

В то же время автору книги свойственна односторонность в выборе излагаемых психологических концепций, при игнорировании некоторых весьма значимых именно для исследуемой проблемы (например, отечественной культурно-исторической школы, ряда современных течений в американской и европейской психологии). Довольной узким является используемый круг источников монографии при не критическом восприятии и чрезмерно широком толковании автором привлекаемых им положений и выводов представителей других наук – социологии, генетики, нейрофизиологии. Толкование автором данных психогеномики нельзя признать достаточно корректным – генетическим факторам приписывается значение даже большее, чем оно видится самим генетикам.

Тем не менее, книга Ю.Я. Ольсевича вносит заметный вклад в приобщение экономической науки к данным фундаментальных психологических исследований, и она весьма полезна как первый шаг по пути вовлечения этих данных в научную работу специалистов в области теории и методологии экономики.

Ключевые слова: *психология, экономическое поведение, психогеномика.*

Классификация JEL: A12, B41, Y30, Z13.

Рецензируемая работа Ю.Я. Ольсевича является первой в отечественной науке попыткой серьезного освещения вопроса, как формирование и развитие психики человека влияет на его экономическое поведение. Ю.Я. Ольсевич вводит в научный оборот экономической науки широкий спектр концепций многих виднейших психологов, а также стремится вычлнить подходы к пониманию психологической стороны экономической деятельности, характерные для крупнейших экономистов.

В результате читатель получает возможность представить себе значительное многообразие подходов, существующее в психологической науке, по отношению к решению целого ряда принципиальных вопросов формирования человеческого поведения (в том числе экономического). Фактически Ю.Я. Ольсевич показывает, что не существует хотя бы нескольких основополагающих концепций, которые объясняли бы природу человеческой

¹ Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения. М.: ИНФРА-М, 2009.

психики как детерминанты человеческого поведения, – они весьма многочисленны, и даже попытки сгруппировать их не могут объять все существующие теории. Те классификации, которые приведены в книге, показывают огромный спектр разногласий по фундаментальным проблемам.

Тем выше заслуга Ю.Я. Ольсевича, который взял на себя задачу нарисовать для русскоязычного читателя некоторую систематизированную картину столкновения мнений ведущих психологов и психологических школ по рассматриваемым вопросам.

Не удивительно, что аналогичная ситуация столкновения мнений характеризует и взгляды экономистов на психологические аспекты экономического поведения. Несмотря на то, что большинство видных представителей экономической теории не имели специальных познаний в психологии, они фактически присоединились к тем или иным подходам, выработанным психологической наукой. Это характерно не только для признанных классиков экономической науки, но и для видных современных экономистов.

Что касается современной экономической науки, то она все чаще обращает внимание на психологические и социологические моменты в экономической деятельности. Однако это обращение носит по преимуществу дилетантский характер. Казалось бы, то растущее внимание к роли поведенческих аспектов в функционировании хозяйственных систем, которому уже не меньше века, должно было бы сориентировать внимание экономистов на вопросах психологической теории. Но, за единичными исключениями, современные экономисты-теоретики благополучно игнорируют даже исследования в области поведенческой экономики. Поэтому их ориентация на то или иное психологическое объяснение экономического поведения стихийная, интуитивная, является скорее попыткой «психологического подкрепления» своих разработок в области экономической теории, а не опирается на изучение данных психологической науки.

Таким образом, первые главы книги Ю.Я. Ольсевича убеждают нас, что в области концептуального понимания влияния психики на хозяйственное поведение царит ситуация теоретического разброда, хотя и не хаоса – разнообразие конфликтующих позиций весьма велико, но все же, конечно, поддается некоторой систематизации.

Каким же образом во всем этом сложно структурируемом многообразии можно отыскать путеводную нить для решения проблемы, поставленной в заголовке книги? Для Ю.Я. Ольсевича ею становятся современные исследования в области генетической психологии (психогеномики). Именно опора на них дает ему возможность вынести определенные суждения о том, в какой мере психические основы экономической деятельности детерминированы врожденными качествами (т.е. генетически), в какой они определяются модификацией этих качеств под влиянием окружающей среды (в первую очередь, социальной обстановки), а в какой они сформированы самой этой социальной обстановкой.

Тем самым становится возможным сделать структурный срез человеческой психики, от нижних, генетически обусловленных этажей, до верхних, где врожденные качества оказываются «обтесанными» социальной средой. Соответственно находят свое решение и вопросы о соотношении сознательного и бессознательного в поведении человека.

Этот анализ приводит Ю.Я. Ольсевича к последующим выводам о формировании типов человеческой психики, рассмотренных под углом зрения их особенностей в сфере экономического поведения, а также о влиянии психических типов личности и их эволюции на эволюцию экономических институтов.

Следствия от применения результатов психогеномики к анализу человеческого поведения в экономической сфере и происходящего под влиянием особенностей психики человека изменения в экономических институтах, которые демонстрирует Ю.Я. Ольсевич, весьма многочисленны. Я не буду останавливаться на рассмотрении всех этих следствий, а укажу лишь наиболее значимые для дальнейшего совершенствования экономической теории.

Во-первых, данные, на которые опирается Ю.Я.Ольсевич, заставляют отвергнуть тот экономический детерминизм в исследовании поведения человека, который был свойственен как вульгарной версии марксизма, так и ее идеологическому антиподу – неоклассической экономической теории. Для вульгарной версии марксизма была характерна абсолютизация роли социальной среды в формировании поведения человека. Подобной же односторонности не избежал и институционализм. Помимо этого, вульгарный марксизм возлагал неоправданные надежды на социальное конструирование, на перспективы при помощи изменений в социально-экономической среде управлять изменениями основ человеческого поведения, не принимая во внимания врожденные, а также не врожденные, но устойчивые свойства человеческой психики.

Во-вторых, неоклассическая теория, по всей видимости, исходила не из социальных, а из индивидуальных предпосылок человеческого поведения. Но так кажется только на первый взгляд. Для неоклассической теории «суверенный индивид» есть «рациональный экономический человек», а по существу – марионетка навязанных ему вполне социальных принципов максимизации дохода и «рационального» (только и исключительно с этой точки зрения) потребительского поведения. Поэтому неоклассическая теория также не выдерживает критики под углом зрения данных психогеномики.

Можно смело сказать, что работа Ю.Я. Ольсевича ставит перед экономической теорией принципиально новые и весьма сложные задачи, открывая дополнительные горизонты теоретических исследований. Поэтому знакомство с этой книгой будет весьма полезно для всех тех, кто хочет обогатить свое видение закономерностей экономического поведения человека.

Беря на себя смелость дать книге Ю.Я. Ольсевича такую высокую оценку и рекомендовать ее читателю, я не могу не сделать оговорку: она не лишена весьма существенных недостатков, и далеко не всему, написанному в ней, следует внимать с полным доверием.

Эти недостатки вызваны, на мой взгляд, двумя основными проблемами, которые автор не смог преодолеть: наличием идеологической самоцензуры и чрезмерным дилетантизмом в освещении ряда вопросов.

Я сам являюсь сторонником признания принципа партийности в общественных науках, и меня нисколько не покорило бы освещение рассматриваемых проблем с определенной, ясно занятой идеологической позиции при резко критическом отношении к концепциям ее противников. Но вот что я считаю недопустимым – так это превращение идеологических *выводов из результатов* научного исследования в *заранее предпосланные его рамки*, замалчивание и искажение точек зрения своих идеологических оппонентов. К сожалению, Ю.Я. Ольсевич грешит и тем, и другим, и третьим.

Читатель книги может заметить странное обстоятельство – нигде в своей работе Ю.Я. Ольсевич не задается вопросом: а что такое человеческая психика? Не ставя его, он, тем не менее, имплицитно применяет вполне определенную трактовку, проступающую уже в предисловии. «Только зная природную (генетическую и нейрофизиологическую) основу психики человека, можно понять воздействие на эту основу внешних (природных, техногенных и общественных) факторов, а тем самым понять и формирование человеческой психики в целом», – заявлено в самом начале книги (с. 7)².

Прежде всего, в этой фразе природные начала в одном случае выступают как основа психики человека, а в другом – как внешние факторы. Почему одни из этих начал (генетические и нейрофизиологические) могут претендовать на статус «основ» психики, а другие – только «внешних факторов», нигде не разъясняется. Кроме того, Ю.Я. Ольсевич полностью игнорирует концепцию человеческой психики, согласно которой она есть социальный феномен, а природные, врожденные свойства человека (в том числе генетические

² Здесь и далее ссылки в скобках даются на страницы рецензируемой книги.

и нейрофизиологические) – лишь внешние по отношению к этому феномену предпосылки формирования психики. Можно, разумеется, критиковать и отвергать такой подход – но не следовало бы закрывать глаза на его существование, безо всяких аргументов почитая его не заслуживающим даже упоминания.

Здесь, на мой взгляд, Ю.Я. Ольсевича подводят его довольно странные взаимоотношения с марксизмом. «...Чуть ли не полвека я вместе со всем моим поколением советских экономистов испытывал сильнейшее влияние марксистской теории», – пишет он (с. 16). Жаль, что это «сильнейшее влияние» так и не позволило ему ознакомиться с содержанием марксизма. Тогда бы та «краткая справка» о взглядах Маркса, которую он дает дальше, не превратилась бы в диковатую смесь наиболее примитивных штампов вульгаризированного «марксизма–ленинизма» со столь же примитивными пропагандистскими штампами антикоммунизма.

Включив этот «идеологический фильтр», Ю.Я. Ольсевич затем вступает на тот путь, когда трудно понять, чем вызвано игнорирование им ряда составляющих мировой психологической науки – то ли крайне слабым знакомством с ней, то ли идеологической предвзятостью.

Знакомя нас с результатами развития мировой психологической мысли, Ю.Я. Ольсевич ограничивает себя пересказом лишь одного-единственного переводного американского учебного пособия по теории личности (Холл, Линдсей, 2005). Эта книга обладает всеми достоинствами и недостатками американского учебного пособия: давая достаточно широкую панораму течений мировой психологической мысли и добросовестно излагая взгляды рассматриваемых ученых, оно не отличается глубиной понимания этих взглядов и почти игнорирует исследователей, работавших за пределами США (за исключением давно канонизированных З. Фрейда, А. Адлера и К. Юнга).

В результате «за бортом» оказываются основные европейские школы психологической мысли, равно как и всемирно признанные отечественные школы в психологии. Между тем обращение к отечественному научному наследию совершенно необходимо именно в случае исследования психологических основ экономического поведения. Прямое отношение к этой теме имеют работы культурно-исторической школы в советской психологии, представленной такими именами, как Л.С. Выготский (Выготский, 1934) и А.Р. Лурия, а также не менее значимые разработки вышедших из этой школы А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1975) и С.Л. Рубинштейна (деятельностный подход)³, и множества других ученых. Работы отечественной школы были связаны с развитием европейской психологии (Пьер Жане, Жан Пиаже и др.). В свою очередь, отечественные разработки в 70-е гг. прошлого века оказали значительное влияние на развитие педагогической психологии и становление школы культурной психологии в США (М. Коул). Между тем, это не единственные заслуживающие внимания (хотя и самые значительные) отечественные школы в психологии. Впрочем, у этих школ – марксистские корни. И именно в их работах обосновывается взгляд на психику, противоположный тому, который заявил Ю.Я. Ольсевич во введении к своей книге. Может быть, в этом дело?

Эти школы отвергают тезис о биосоциальной природе человеческой психики, разделяя ее биологические *предпосылки* и социальную *природу*. Для Ю.Я. Ольсевича же истиной является утверждение об инвариантном естественном базисе человеческой природы, для которого социальное выступает лишь надстройкой (с. 405), и другие позиции для него просто не существуют.

В данном случае трудно судить, являются ли причиной появления столь значительного «белого пятна» идеологические пристрастия или банальное незнание с достижениями мировой психологической мысли. Но Ю.Я. Ольсевич демонстрирует неаккуратное

³ Одна из первых публикаций, излагающая деятельностный подход: (Рубинштейн, 1922. С. 148–154).

обращение и с данными палеоантропологии. «По данным современной генетики, антропологии, археологии, – пишет он, – человек отделился от высших приматов 5–6 млн лет назад. Уже тогда появилась первичная форма “человеческого общества”» (с. 66–67).

Во-первых, человек *никогда* не отделялся от высших приматов. Человек сам относится к высшим узконосым приматам. 5–6 млн лет назад *предки* человека (а не человек) образовали особую ветвь приматов, выделившись из других существовавших тогда ветвей. Во-вторых, ни о каком «человеческом обществе», даже и в кавычках, 5–6 млн лет назад и речи быть не может. Тогда предковые формы человека не были общественными существами, если не смешивать с обществом стадо приматов, что, собственно, и делает Ю.Я. Ольсевич.

Не менее уязвимым является использование Ю.Я. Ольсевичем данных психогеномики, на чем построена большая половина его книги. Прежде всего, его знания в этой области почерпнуты исключительно из популярной книги В.З. Тарантула «Геном человека. Энциклопедия, написанная четырьмя буквами» (Тарантул, 2003). Ее автор, популяризируя исследования генома человека, не мог полностью избежать искушения придать их результатам оттенок сенсационности, создав несколько преувеличенное представление об открытиях в сфере регулятивной функции генов в человеческом поведении.

Впрочем, В.З. Тарантул вполне понимает условность таких терминов, как «ген лидерства», «ген гениальности», «ген агрессивности», «ген материнства» и т.д. Недаром все эти термины заключены в кавычки. Ю.Я. Ольсевич добросовестно воспроизводит эти кавычки, но не спешит поделиться с читателем причинами их появления. Да, Ю.Я. Ольсевич сам ссылается на такие тезисы В.З. Тарантула, как: «Во-первых, как правило, не один, а совокупность генов отвечает за наши душевные характеристики. Между ними существует очень сложное и порой неоднозначное взаимодействие, эффект которого зависит от множества различных факторов. Во-вторых, как считает большинство ученых, психика и поведение лишь процентов на 50 определяется генами. Не меньшую, если иногда не большую, роль в этом играют общество, окружение, воспитание, иными словами, окружающая среда» (с. 156). Кроме того, в той же книге ясно дается понять, что наибольшее влияние генетические факторы оказывают на формирование темперамента человека и весьма незначительное – на его социальное поведение (см. сн. 1 на с. 157). И опять – добросовестно цитируя эти оговорки, Ю.Я. Ольсевич в дальнейшем не придает им никакого значения.

При этом он без оговорок опирается на наиболее предположительные формулировки, содержащиеся в книге В.З. Тарантула. Так, он тут же принимает на веру тезис о «гене человека», который миллионы лет назад «наделил человека речью» (с. 173). Хотя В.З. Тарантул ясно говорит, что это всего лишь гипотеза, Ю.Я. Ольсевич тут же хватается за нее, чтобы без всяких доказательств отвергнуть данные антропологии, согласно которым для формирования членораздельной речи должен был сложиться целый ряд предпосылок в анатомии, физиологии, этологии и социальном поведении человека. И совокупность этих данных напрочь исключает возникновение членораздельной речи «миллионы лет назад»⁴.

Довольно странно выглядят встречающиеся на многих страницах книги (с. 162–164, 186–188 и др.) рассуждения о «воспитанных инстинктах». Ну, прежде всего, «воспитанный инстинкт» – это катахреза. Инстинкт есть безусловный рефлекс, и как таковой он не может быть создан воспитанием. Все, что Ю.Я. Ольсевич относит к «воспитанным инстинктам» – это не инстинкты, а сложные условно-рефлекторные комплексы, не носящие безусловного, т.е. инстинктивного характера.

⁴ См., например: (Бурлак, 2012). Заведующий Центром антропологии ИЭА РАН, д.и.н. Сергей Владимирович Васильев специально подчеркивает, что к мутационной гипотезе, связывающей наделение человека речью с геном FOXP2, обращаются «не столько генетики, а те, кто читает генетические работы, не понимая, что делают генетики» (Васильев, 2013).

Чрезмерная приверженность Ю.Я. Ольсевича к «инстинктам» приводит его к таким нелепым утверждениям, как: «рынок, торговый капитал, инстинкт новаторства породили промышленный переворот, а вместе с ним и рыночно-капиталистическую систему хозяйства» (с. 247). Здесь даже не одна нелепость, а несколько. Во-первых, рынок, торговый капитал и «инстинкт новаторства» существовали столетиями до промышленного переворота и ничего подобного не порождали. Почему же тогда индустриальная революция произошла именно в XIX в.? Во-вторых, утверждение, что рыночно-капиталистическая система хозяйства родилась «вместе» с промышленным переворотом, чересчур уж далеко от исторической истины: без уже возникшей рыночно-капиталистической системы никакого промышленного переворота не было бы.

Вообще Ю.Я. Ольсевич пытается объяснить динамику социально-экономической системы капитализма только через эволюцию психологических типов (с. 246–248). Возникает такое впечатление, что классовые интересы не играли никакой роли в этом развитии, а многократно осужденные Ю.Я. Ольсевичем экстремальные типы психики (революционная, например) исполняли в развитии общества исключительно негативную роль, никак, видимо, не участвуя в «конфликтном и неравномерном процессе развития регулирующих институтов» (с. 248).

Странно выглядит попытка Ю.Я. Ольсевича объяснить «стремление к легкой наживе, связанной с риском» (с. 271). Он видит ее генетические корни в обществе собирателей и охотников – «миллионы лет предыстории», оказывается, «заложили в генетические основы их психики не только инстинкт самосохранения, но и инстинктивное стремление к поиску наиболее легких и быстрых путей добывания средств существования» (там же). Однако общество собирателей и охотников возникло тогда, когда генетические свойства человека уже вполне сложились, и потому практика охоты и собирательства не могла породить генетически наследуемых признаков.

Фактически Ю.Я. Ольсевич подводит читателя к тезису, что формирование социальных типов людей (или общественных классов) в основе своей имеет их отбор в соответствии с врожденными психотипами. Но врожденных психотипов *не существует*. Существуют генетически закрепляемые биологические регуляторы (в основном биохимические), которые создают благоприятные или тормозящие условия для формирования некоторых черт человеческого поведения. При взаимодействии этих факторов с факторами окружающей среды и реакцией человека на нее формируются особенности его этологии, т. е. поведенческие стереотипы, основанные на связи врожденных и приобретенных свойств. Следующая ступень формирования человеческого поведения основывается на действии социальных отношений человека, его практической деятельности и познания. Только на этой ступени можно говорить о формировании человеческой психики, и, соответственно, психических типов. Даже изложенная мной упрощенная схема показывает, что невозможно говорить о генетической обусловленности психики человека ни на 50%, ни на 5%, ни даже на 0,05% – именно потому, что генетические факторы, играя несомненную роль предпосылок формирования человеческого поведения, вовсе не являются теми, которые формируют это поведение *непосредственно*.

Весьма сомнительно выглядят высказывания Ю.Я. Ольсевича о революционной психологии. Сначала он стремится опереться в своих рассуждениях на дневники И. Бунина (с. 351–352). Внимательное чтение этих дневников может дать нам достаточно хорошее представление о психологии ослепляющей классовой ненависти, охватившей самого Бунина, но произносимых им филиппик совершенно недостаточно, чтобы на одном только этом основании делать суждения о психологии русского народа.

Не спасает дело и апелляция к авторитету действительно крупного социолога П. Сорокина. Тезис о высвобождении репрессированных инстинктов благодаря исчезновению сдерживавших их привычек (с. 355–356) может быть верен, может быть ошибо-

чен, но он ничего не объясняет. Почему, каким образом оказываются высвобождены эти «репрессированные инстинкты»? По Ю.Я. Ольсевичу (и по П. Сорокину) в этом виновата революция. Но это не объяснение. Откуда берется действие, ломающее сдерживающие рефлексы? Не потому ли, на самом деле, возникает революция, – если брать только психологическую сторону вопроса – что *предшествовавшее* развитие *уже разрушило* нормы поведения, обеспечивающие нормальное удовлетворение базовых инстинктов и препятствующие проявлению разрушительной стороны инстинктов, привело к десоциализации людей, росту значения в их поведении примитивных биологических рефлексов? Оказывается, и П. Сорокин не склонен закрывать глаза на это обстоятельство (см. с. 356–357). В конце концов, Ю.Я. Ольсевич сам пишет: «Сорокин решительно подчеркивает, что *главной причиной и непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было усиливающееся подавление базовых инстинктов большинства населения*» (с. 373).

Но тогда, может быть, следует смотреть на революцию, не как на проклятие, а как на тяжелую, даже кровавую, но неизбежную для выживания социума хирургическую операцию, восстанавливающую, в конечном счете, подорванные нормы регуляции человеческой психики? Фактически Ю.Я. Ольсевич едва не склоняется к такой трактовке (с. 376–377), но не может все же удержаться от того, чтобы главным злом объявить экстремальную психику революции.

Встречаются в книге и фактические ошибки. Так, например, хотя поведение И.В. Сталина и может давать повод для заключений о психопатических свойствах его личности, приписываемый В.М. Бехтереву диагноз – шизофрения (с. 43) – никаких серьезных подтверждений не имеет. Поэтому не стоит в научной книге оперировать слухами.

Исследование Ф.М. Достоевским психологии экстремизма не имеет прямого отношения к его личному опыту в кружке Буташевича-Петрашевского – вопреки Ю.Я. Ольсевичу, этот кружок ни в коей мере не был «экстремистским». Хорошо известно, что обращение Ф.М. Достоевского к исследованию революционного экстремизма вызвано его знакомством с делом С. Нечаева, и зачем Ю.Я. Ольсевичу понадобилось придумывать иную причину (с. 216) – совершенно непонятно. Да, Достоевский считал, что идеи петрашевцев могли послужить развитию нечаевщины, и даже предполагал, что сам в молодости мог бы стать нечаевцем (*Достоевский*, 2013. С. 98). Но обращение к замыслу «Бесов» было вызвано не его личным опытом в кружке Петрашевского, а именно делом Нечаева, да и прототипами персонажей были участники его группы, а не петрашевцы – все это давно исследовано литературоведами (см., например: (*Мочульский*, 1980. С. 330–332 и далее)).

В целом можно оценить работу Ю.Я. Ольсевича как достаточно цельное изложение одной из возможных концепций, объясняющих психологические основы экономического поведения. Если бы данная книга была позиционирована именно так, то значительная часть моей критики отпала бы. Однако без рассмотрения других фундаментальных теорий в этой области, занявших прочное место в мировой психологической науке, – вне зависимости от того, разделяет их автор или нет, – невозможно претендовать на «психологический переворот» в экономической теории. Это все равно, что издать книгу под названием «Философские основы метода в экономической теории» и рассказать, например, только о различных течениях в постмодернизме.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурлак С.А. (2012). Время появления звучащей речи по данным антропологии // Вестник МГУ. Серия 10 «Антропология». № 3.
- Васильев С.В. (2013). Происхождение речи у человека. polit.ru/article/2013/07/29/ps_vasiliev_talk1.
- Выготский Л.С. (1934). Мышление и речь. М.-Л.: Соцэкгиз.
- Достоевский Ф.М. (2013). Дневники писателя. М.: Directmedia.

- Леонтьев А.Н. (1975). Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат.
Мочульский К.В. (1980). Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: Ymka Press.
Рубинштейн С.Л. (1922). Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Т. 2. Одесса.
Тарантул В.З. (2003). Геном человека: Энциклопедия, написанная четырьмя буквами. М.: Языки славянской культуры.
Холл К.С., Линдсей Г. (2005). Теории личности / Перевод И.Б. Гриншпун. М.: «КСП+», 1997 / Терминологическая правка В. Данченко. К.: PSYLIB.

Колганов Андрей Иванович
onaglo@mail.ru

Andrew Kolganov

doctor habilitatus in economics, professor, leading research fellow of the Institute of economics, Russian Academy of sciences, MV Lomonosov Moscow State University
onaglo@mail.ru

WHAT GIVES A PSYCHOLOGY FOR UNDERSTANDING ECONOMIC PROCESSES?
(On the book of U.Я. Olsevich Psychological foundations economic behavior)

Abstract. The reviewed book of U.Я. Olsevich represents itself as the first monographic research in Russian academic literature of the role of the psychological factors in economic behavior. In this book the extensive panorama of the views of different representatives of psychological science on the influence of psychological grounds of human personality on its behavior is giving. The positions of economists, touching the psychological aspects of the formation of economic behavior are analyzed as well. Author demonstrates the presence of wide specter of conceptions and trends, explaining by different ways the nature of human psyche, and, respectively, the psychological side of the behavior.

I the same time the book tends to be one sided in the choice of outlined psychological concepts, ignoring some of them, which are very significant exactly for researching problem (for example, domestic cultural-historical school, and some contemporary trends in American and European psychology). The circle of sources used in the monograph is rather narrow along with the uncritical perception an excessively wide interpretation by author of the propositions and conclusions of the representatives of other sciences – sociology, genetics, neurophysiology – engaged by him. The interpretation by author of the evidences of psychogenomics is impossible to treat as correct enough – he ascribes to genetic factors the meaning even more, than genetics themselves see it.

Nevertheless, the book of U.Я. Olsevich makes the noticeable contribution into initiation of economics to the evidences of fundamental psychological researches, and is very helpful as a first step on the way of involvement of these evidences into researches of specialists in the fields of methodology and theory of economics.

Keywords: *psychology, economic behavior, psyhogenomic.*

JEL Classification: A12, B41, Y30, Z13.

REFERENCES

- Burlak S.A. (2012). The time of the emergence of sounding speech according to the evidences of anthropology // The Herald of Moscow University. Serial 10 Anthropology. No. 3.
Dostoevsky F.M. (2013). Diary of writer. M.: Directmedia.
Hall C.S., Lindsey G. (2005). Theories of Personality. M.: «KSP+», 1997; Terminological correction by V. Danchenko. K.: PSYLIB.
Leont'ev A.N. (1975). Activity. Conscious. Personality. M.: Politizdat.
Mochulsky K.V. (1980). Dostoevsky. Life and oeuvre. Paris: Ymka Press.
Rubinshtein S.L. (1922). The principle of creative self-activity (To the philosophical grounds of modern pedagogic) // Uchenye zapiski vysshei shkoly g. Odessa. T. 2. Odessa.
Tarantul V.Z. (2003). Genom of human being. The encyclopedia written by four letters. M.: Yazyki slavianskoi kultury.
Vasil'ev S.V. (2013). The origin of speech of human being. polit.ru/article/2013/07/29/ps_vasiliev_talk1.
Vygotsky L.S. (1934). Mind and speech. M.; L.: Sotsekgiz.